

А надо ли дефилировать?

“Дом, в котором он живет”, — на краю Москвы, у самого леса, в окружении послевоенных четырехэтажек. Во дворах и насадах вместе с белым зависла забытая провинциальная тишина. Трудно удержаться и не спросить художественного руководителя Нового драматического театра Бориса Александровича ЛЬВОВА-АНОХИНА:

— Как вы с таким изысканным репертуаром (“Орленок”, “Письма Асперна”, “Опасные связи” и т.д.) существуете в таком “спальном” районе?

— По этому поводу острит когда-то Ширвиндт: “Ваш театр — ни к селу ни к городу. Лоси в служебный вход рогами не упрутся?” Лоси не упрутся, прошлый сезон были аншлаги, на “Реванше королевы” аплодировали даже стоя. Но это не может длиться вечно. Доехать сюда трудно, а число “районных” зрителей ограничено. Арендовать же помещение в центре стало невозможным. Сейчас за то, чтобы сыграть премьеру в “Современнике”, мы должны заплатить 1500 долларов. Никакой сбор этого не окупит.

Вопрос о другом помещении, ближе к центру, возник между тем еще в 96-м году, когда театр получил за несколько спектаклей премию Москвы. Тогда был подготовлен проект постановления Правительства Москвы о передаче театру здания кинотеатра “Форум”. Но в последний момент его получил оркестр под руководством В.Спивакова. Музыкант раздумывал год и отказался. Потом здание отдали Медицинскому музею. Музей ликвидировали. А “Форум” как стоял, так и стоит неиспользованным. Другой вариант — совершенно нерентабельный “Фитиль” у метро “Фрунзенская”, который требует даже меньших затрат и меньше времени для реконструкции. Но нас пока не слышат.

— Чем же все-таки определяетесь ваш репертуар, и отчего такая стойкая нелюбовь к современной драматургии?

— Репертуарный принцип заключается в оригинальности, но не только в ней. Как всегда, мы ставим то, что нигде никогда не шло или давно уже не идет. Никаких переключек с афишами других театров. Вот и ближайшие премьеры — малоизвестные пьесы Островского, спектакль по мотивам “Дворянского гнезда”, для детей — Марк Твен.

Меня вообще интересует то, за что раньше ругали, — отрыв от действительности. Но я ведь не ставлю

себе такие задачи напрямую — “буду заниматься эстетством”. Меня интересуют задачи стилизации. По сути, все мои спектакли последних лет связаны именно с этим. Я ставлю Островского, но не бытово, не традиционно, а пытаюсь найти какое-то чисто театральное решение, отдавая себе отчет в том, что эти стиливые задачи иногда слишком сложны для актеров и поэтому решаются не полностью. В целом, я бы сказал, что репертуар нашего театра — это своеобразная защита от современной жизни, бегство от нее.

— Недаром Александр Свобдин писал о вашем театре: “В хаотичном разнообразии переменчивого времени люди тянутся к миру искусства, словно мстят окружающему быту, внимают чистой красоте”.

— Во многом этой позицией определяются и несложившиеся отношения с современной драматургией. Когда-то я считал своим долгом ее ставить. Запреты только возбуждали. Правда, я имел дело с талантливой пьесой. Встречи с Друцэ, Володиным, Зориным — как божий дар. И сейчас думаю, прежде всего о художественном совершенстве. Такого нет. Во всяком случае, я не встречаю пьес, которые бы меня воспламенили. И потом, большинство из них — о таком черном быте и таком падении человеческого образа, что мне это неприятно и неинтересно. Если уж бездны человеческие показывать, то тогда — Достоевский, Леонид Андреев, не ниже.

Не боюсь показаться старомодным, мне кажется, сейчас, как никогда, в искусстве необходимы ро-

мантизм и поэзия. В зрительно зале есть потребность услышать высокое, испытать сильные чувства, увидеть их в некой эстетической форме.

— А между тем в жизнь вступает поколение, которое прекрасно обходится двумя словами — “классно” и “короче”. Не боитесь через какое-то время лишиться зрителя?

— Да, такие опасения есть. Эти внутренние разрушительные процессы существуют. Но в нашем театре я вижу и другую молодежь — ее мало, но она есть, образованная, хорошо воспитанная. Тем более ощущаешь ответственность театра, он не должен идти на поводу у примитива.

Я не хочу никого обижать, может быть, я становлюсь брюзгой, хотя и беззлобным брюзгой, но мне почти ничего не нравится в театре. Я забыл, когда получал от него удовольствие. Приходится буквально содрогаться от пошлости, убожества. Смотрю иногда спектакли бесчисленных антреприз и думаю: “Боже мой, какое падение сцены, ее культуры!” И ведь хорошие актеры, но как скверно они там играют, как будто все вернулось в какой-то дорежиссерский театр. Или, скажем, модные сейчас иные молодые режиссеры. То, что они делают, — даже не хулиганство, а, как говорят, выпендрож, просто шарлатанство.

Впрочем, падение художественного уровня характерно сейчас для всего мира. Если это может кого-то утешить.

Что до сегодняшних антреприз, то само название мне представляется неверным. До революции и сразу после нее так назывались

просто сборные спектакли. Ведь антрепризы, скажем, Синельникова, Соболевцова-Самарина всегда были очень серьезны. Они воспитывали актеров, формировали их репертуар, даря их потом, как правило, столичным императорским театрам. А теперь появилась целая генерация художников-дельцов, они просто наскоро снимают пенки. У нас теперь ведь, знаете, в сущности, не создается общественного театрального мнения, репутации того или иного спектакля. В основном вкусовщина, полуса невероятные. Часто в рецензии — просто констатация, пересказ сюжета, иногда даже небесталанный. Но понять нельзя, что за спектакль, хороший он или нет. А ведь совсем недавно были люди, которым я верил и которые формировали у публики вкус, определяли критерии, независимо ни от какой конъюнктуры, — Марков, Юзовский, Туровская, Свобдин. Одни ушли в небытие, другие — в тень. А в итоге...

— Вы известны своим умением работать с актерами, открывать их в каком-то неожиданном качестве. Нет ли у вас ощущения, что скоро это окажется ненужным?

— Да, к сожалению, есть. Кто-то просто никогда не умел этого делать. А у кого-то потерян к этому вкус, интерес. Не говоря уж о том, что раньше была даже такая профессия — “режиссер-педагог”, который делал весь этот подготовительный этап в репетициях, разминал актеров. Можно вспомнить Е.Телешеву, М.Кнебель, Р.Сироту. Сейчас в театрах нет такой творческой единицы, и это очень печально. Потому что режиссер может обладать какими-то постановочными

талантами, а в отношении индивидуальной работы проигрывать.

Потеря профессионализма — вообще говоря, самая главная потеря нашего театрального времени. Много разговоров и мало знания того, что является ремеслом, техникой. Я вспоминаю Марию Ивановну Бабанову, удостоившую меня своей дружбой. Она отмеривала шаги на сцене, рассчитывала все повороты. Это при ее-то таланте! Какое чувство формы, ритма! Да что там ритм, когда у нас теперь даже разговаривать не умеют. Даже в Малом театре уже говорят на всех наречиях со всеми акцентами.

— Наш разговор принимает оттенок безысходности. Может быть, просто дело в том, что кончается эпоха?

— Знаете, я не могу избежать некоторого пессимизма. Во-первых, возраст. Вместе с веком ушло много людей, которые фактически формировали меня, были предметом вдохновения, образцом честности, благородства. Алексей Дмитриевич Попов, Мария Ивановна Бабанова, Алла Шелест. Ушла Галина Сергеевна Уланова, которая была для меня богиней, недавно — Вера Михайловна Красовская, приславшая мне перед смертью две последние книги. И я иногда чувствую себя в каком-то одиночестве. Конечно, есть театр, есть работа, но я понимаю, что отравлен их талантом, человеческой крупностью, уровнем общения, который они задавали. С ними из искусства уходят чудо, загадка, жизнь воображения. А что взамен? Галина Сергеевна рассказывала мне, что, когда в “Ромео” предстояла сцена в саду, она себя спрашивала: “Какие там растут цветы”? И потом, танцуя, чувствовала их аромат. Кто-нибудь из современных актрис способен на это? Ну грим поправить, “разогреться” и — хватит.

— А не страшит вас это сознательное отдаление, как бы не совпадающий со временем стиль?

— Ну и черт с ним — лучше быть на обочине, чем в грязи. Меня это мало тревожит. Я понимаю, что существуют какие-то театры, имена, которые все время звучат. Но, к счастью, мне все равно. Я от этого свободен. У меня — свое дело, ставлю, дописываю сейчас книгу об Улановой. И вообще, представление Маркса о том, что счастье — это борьба, не для меня. А то, что меня в который раз не позовут в Кремль на обед или ужин, — ничего. Не всем же фигурировать. Однажды наивнотщеславная Серафима Бирман, сумасшедшая, гениальная актриса, наставляла меня патетически: “Надо дефилировать. Иначе — забвение”. Суета сует и всяческая суета.

Беседу вел
Елена СИЗЕНКО

21.10.99

Львов-Анохин Борис Александрович.